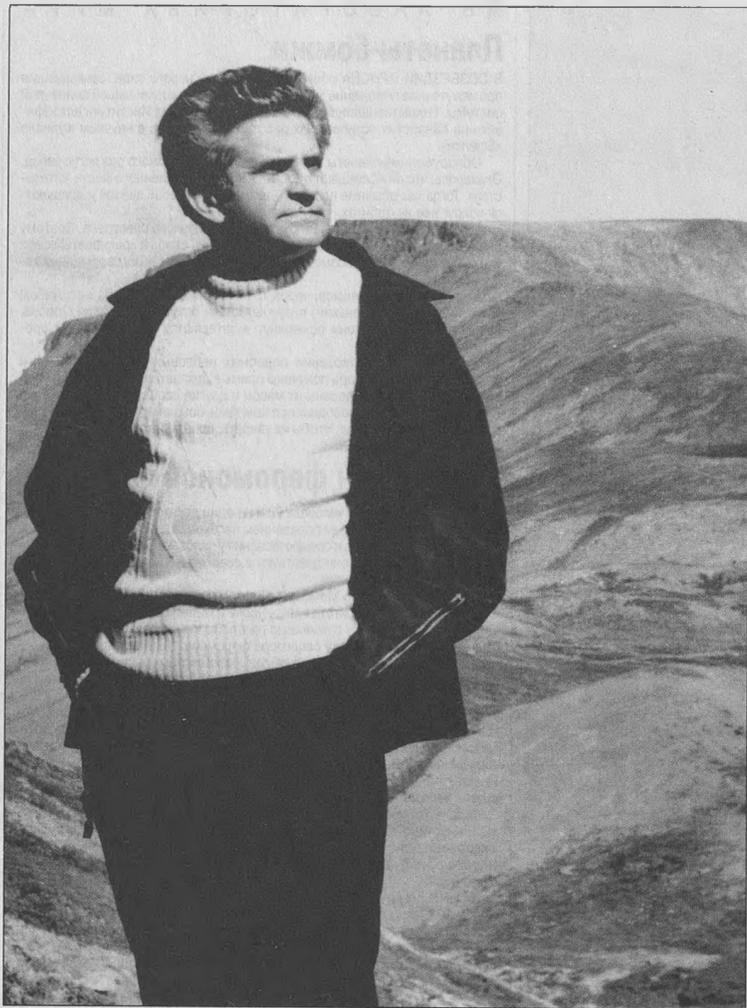

Вас люблю

Говорят, московская публика валом валит на спектакль «Одна абсолютно счастливая деревня» в театре Петра Фоменко. Говорят, эту работу «фоменок» скоро можно будет ставить в один ряд с «Братями и сестрами» Льва Додина или с «Песней о Волге» Резо Габриадзе, имея в виду глубину и искренность решения военной темы. Говорят, плачут не только зрители, но даже искусственные критики. И «виноват» в этом не только гениальный Фоменко, но и автор повести, по которой написана пьеса, — Борис Вахтин. Завтра Борису Борисовичу Вахтину — 70 лет. Но уже 19 лет его нет среди нас. Кто он был? Автор тончайшей, истово-искренней прозы, не дождавшийся при жизни ни одной своей книги. Маститый ученый-китаист, исследователь Востока. Блестящий переводчик древней китайской лирики. Философ, публицист, чьи размышления о судьбе России злободневны и сегодня. Киносценарист, создавший в соавторстве с Петром Фоменко один из самых щемящих фильмов о войне — четырехсерийную телевизионную кинооперу «На всю оставшуюся жизнь». Между прочим — по повести своей знаменитой матери, Веры Пановой, «Спутники». Песня из этого фильма на слуху у всех: «На всю оставшуюся жизнь нам хватит горя и печали, где те, кого мы потеряли на всю оставшуюся жизнь...»

На этой газетной странице Борис Вахтина вспоминают: его сын, Николай Вахтин, проректор Европейского университета в Петербурге, доктор филологических наук; Петр Фоменко, режиссер; Нина Катерли, писатель; Василий Аземша, скульптор; Борис Фирсов, ректор Европейского университета, доктор социологии; Владимир Губин, писатель; Юлий Ким, поэт.

Сударь из Ленинграда

Завтра исполняется 70 лет со дня рождения Бориса Вахтина, писателя, ученого, философа

ПЕТР ФОМЕНКО: Для меня все святое, светлое, лучшее, что было в Ленинграде, когда я работал там, связано с Вахтиным. Это я говорю не потому, что мы его сейчас вспоминаем, а потому, что мне удалось при жизни понять: какое это было счастье — с ним встретиться!

Он был и элитарен, и демократичен одновременно. В лучшем смысле слова элитарный. Хотя для меня это понятие странное: какое-то: элита едет — куда будет? Но тем не менее он был элитарен — изыскан, тонок — российский интеллигент высочайшего замеса. Человек, который похож был только на самого себя! Но главное его дарование Божье — это был человек для людей.

НИНА КАТЕРЛИ: Однажды мы стоим на автобусной остановке, Борис какой-то грустный, уже не было никаких надежд, что хоть что-нибудь напечатает — после того как вышел «Метрополь» с его «Дубленкой». Мой муж Миша стал его утешать: «Ну что ты, Боря! Даже если ты завтра умрешь, — так страшно он казался, — останется эта твоя фраза: «На всю оставшуюся жизнь!» Она уже не забудется, ее народ повторяет...»

«Этот человек поселился во мне навсегда. Он сидит в пальном сквере и пьет пиво, положив сигарету, потому что у него одна рука, в этом городишке, сверкая в нем, как хвост, в этом совершенно необходимом городишке, без которого я теперь не могу представить себе вселенную со всеми ее метафизическими и метафизическими. Этот человек, этот живой памятник неизвестному солдату».

(Рассказ «Человек из Вышнего Волочка»)

Такие же бережные, совестили-

вые слова он находил для всего, что было ему интересно. Он не боялся быть сентиментальным. И легкая его усмешка не ранила. Эта образная речь, это стилистическое смещение, как у Платона или Зоценко, и эти веселые и печальные одновременно зарисовки русской жизни, такие бесстрашные потоки признания в любви ко всему живому...

«Если вы хотите понять спираль этой родины и, конечно, ее глаза, то вот что волнует меня среди прочего: зовут нас Иванами, но как какими разными. Иванами, родства не помнящими; Иванами, царевичами; Иванами-дурчакми; и венчает их человек, для России невозможный, незамеченный, однако он есть, как вы, как я, — Иван несильный, Ванька Канин. Одному Ивану — воспоминание; другому — шапка Мономаха; тому — парвеня-лигушка; а тому — так и жар-птица. Ваньке Канину только одно в удел от родины — нежность сплошная суровейшая, только это стелет ему, расстилает». («Ванька Канин»)

НИНА КАТЕРЛИ: Главным в его жизни была литература, и в том, как он относился к ней, он не был современным человеком, никогда не воспринимал литературу как способ заработать деньги или как способ прославиться. А только — как служение.

ВЛАДИМИР ГУБИН: Мы как-то сидели втроем: Борис, Сергей Довлатов и я. Борис куда-то спешил, ушел, а Довлатов мне говорит: «Вот ты так легко с ним разговаривал, даже спорил, а я как-то робую, все мне кажется: что ни скажу — непонятно». Я даже засмеялся: «Этот ты-то? Да он со всем Ленинградом знаком, и все с ним — запросто!» — «Нет, ты не понимаешь. В нем такая духовная сила! Силища!»

жу, которая тащила арбузы по Волге в Москву. Устроил себе такой праздник!

В другой раз позвонил из Питера и сообщил без всякого вступления: «Нам нужны свои проводники белых ночей». Приезжайте тогда-то, туда-то. И хотя у большинства эта идея вызвала хохот, мы все-таки поехали. Провели ночь подле костерка, на берегу Невы, под стенами Петропавловки. Признаться, в моей жизни не было более интимного общения с Питером.

А под утро подошел катер, через Фонтанку и дальше, дальше по каналам нас привезли в гостиницу «Советскую». Для супругов новых москвичей это казалось невероятным.

С тех пор я не встречал и не провожал белых ночей.

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Я родился, когда ему было 19 лет. И мы скоро были друзьями, чем папа и сын. Он играл со мной во все игры детские, и это очень нравилось само по себе... Гордиться собственной генеалогией? Конечно, мне показывали фотографии разные и дагерротипы: это твой прапрадедушка, а это — прапрапрадедушка. Шестнадцатилетним Вахтин учился в Морском корпусе на протяжении его истории. Все старшие дети шли по этому пути — до моего деда, который в 16 лет ушел из семьи: она была слишком буржуазной, а он хотел делать революцию! И пошел в журналистику. Между прочим, прапра мой, Василий Васильевич Вахтин, выдана на пенсию в чине контр-адмирала, занялся литературной деятельностью: переводил приключенческие романы с английского, издал словарь морских терминов. «Вим-бом-брамсель!» — на пяти языках — звучит?. Словарь и сейчас у меня стоит.

Прадед, морской офицер, погиб на Черноморском флоте в

1905 году, когда там был бунт «Потемкина». Ну, а вот дед уехал в Ростов, где и со своей будущей женой, Верой Пановой, познакомился. Там, в Ростове, и отец родился. А когда деда в 35-м году арестовали и он спину на Соловках, Веру Панову выгнали с работы, ей девять было некуда, и она с пятилетним сыном и двумя старшими детьми от первого брака поехала к свекрови, прабабке моей, в деревню Шишаки под Полтавой, куда та еще в 22-м поехала, когда всех дворян из Петербурга выслали...

В июне сорок первого Вера Панова поехала в Ленинград, где должна была идти ее пьеса, и тут — война. Как пробралась она сквозь окружение на Украину к детям, как они жили в оккупированной деревне, как все потом очутились в эвакуации в Перми, об этом уже написано. Потом ее «Спутники» понравились Сталину, и она получила Сталинскую премию, и все переехали в Ленинград. А про Шишаки отец собирался написать, и даже название уже было: «Шишаки — мон амур»...

«В небе днем над деревней вместо звезд сверкают птицы и облака, звенят на солнце над золотыми стеблями хлебов, украшая жизнь до нестерпимой степени, украшая ее глубокой высью, плавным течением смысла, который отнюдь не в чьей-то голове рождается отдельно от птиц и неба, реки, облаков и деревни, а просто и есть вот это все, вместе взятое: и глубокая высь, и бескрайний низ, и человеческая жизнь, которая переплелась с нитом и с высью, так тесно переплелась деревней, дорогой, взглядами глаз, приложением рук, что никакая сволочь ее не сокрушит и не опоганит».

(«Одна абсолютно счастливая деревня»)

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Он был жален до всяких впечатлений. Учителями его были академики В.М. Алексеев и Н.И. Конрад — это еще то, старое востоковедение, — он к ним относился с бла-

гоговением. Докторскую защиту ему не дали, дважды зарубили. В 66-м году после процесса над Синявским и Даниэлем они с братом подписали письмо-протест, и дальше о каком-то движении нечего было и говорить. А еще ему не могли простить его очерки и киносценарий «Мултанское дело» о Владимире Галактионовиче Короленко.

...Помню, году в 59-м мы жили на Черной речке, и я потом узнавал и этот двор, и его обитателей в «Летчике Тютчеве» и в «Ваньке Канине», — у него объявился сосед Коля или Толя, большой мастер по всяческим моторам и водоплавающей технике. Кстати, именно у него отец купил потом катер потрясающий, метра четыре длиной, мотор — аж четыре лошадиные силы! Против течения реки ему было тяжело идти, крейсерская скорость у него была километров восемь в час, но мы на нем все мое детство проплавали, даже в Ладого доплыли однажды...

БОРИС ФИРСОВ: Вахтин дружил с людьми самого разного социального положения. Помню, он однажды познакомился с капитаном сухогруза. Капитан был человек... э-э-э... загульный, и Борис равноправно участвовал в раллигах, так сказать, на борту этого судна, прежде всего потому, что ему было интересно с этим капитаном и с этой командой о чем-то разговаривать. Он был необыкновенно терпелив. На его лице никогда нельзя было увидеть тени «огоньской скуки». В этом смысле он был для всех нас эталоном...

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Он хорошо подготовил меня к предстоящей жизни. Когда я рос и уже без него утыкался в очередную жизненную проблему, то неожиданно обнаруживал у себя в голове готовый ответ, четко сформулирован-

ный и отлитый в формулу, произнесенный его голосом. Общения с ним мне хватало до сих пор.

«Я посмотрел на моего шестилетнего сына — он сидел очень задумчивый, погруженный в себя, опустив голову».

— Сын, — позвал я, и он медленно поднял голову, и глаза его были влажными и блестящими — может быть, оттого, что в них отражалась такая же поверхность моря, а может быть, от слез.

— Что? — спросил он бровями.

— О чем ты задумался? — спросил я.

Он посмотрел на меня грустно, губы его дрогнули, и он сказал:

— У меня к тебе большая просьба.

— Какая? — спросил я, готовый к любым подвигам, лишь бы он не погружался вот так, неизвестно куда.

— Пожалуйста, — сказал он, — никогда не спрашивай меня, о чем я думаю.

— Хорошо, — сказала я мгновенно, потому что все-таки голова у меня работает иногда неплохо.

(«Ножницы в море»)

Сегодня, на пороге XXI века, нам уже трудно понять, каким образом распознали советские чиновники, что Борис Вахтин — не свой? Ну, что такого опасного было в его прозе? Почему не дали поставить Петру Фоменко «...Счастливого деревню» еще в конце 60-х, как он намеревался? Почему не печатали? И как Борис Вахтин умел оставаться абсолютно свободным в несвободной стране?

БОРИС ФИРСОВ: Одно из величайших сожалений: он не дожил до времени перестройки. Вот это было бы его время, понимаете? Время Вахтина. Я, пожалуй, не могу назвать его диссидентом в классическом смысле, но по духу — да, конечно. Что такое диссидент? Прежде всего — свободный человек.

Мы познакомились в 66-м году. Я был тогда директором Ленинградской студии телевидения, Борис Вахтин снял меня с работы. Потому что он придумал

и отлитый в формулу, произнесенный его голосом. Общения с ним мне хватало до сих пор.

«...всемирно-историческим достижением нашего народа... является то, что не погнб он окончательно ни нравственно, ни физически, а ушел в обстоятельствах, казалось бы, безвыходных, потеряв многие десятки миллионов жизней в братоубийственной войне, в войнах, голоде, холоде. Упелел вопреки, а не благодаря своим волевым, вождям, руководству, которые были — хуже некуда. И то, что упелел, — это чудо, равного которому я в истории не знаю. Пока упелел потому что смертельная опасность еще висит над ним, но упелел и даже немного оправился от болезни, болезни по всем диагнозам и прогнозам смертельной. Русский народ жив — и это чудо».

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Как ему хотелось увидеть свою книжку! В последние годы увлекался рисованием обложек для собственных книг — карандашные рисунки эти сохранились. Как он счастлив был, когда однажды ему позвонили из одного толстого журнала, сказали, как им понравился рассказ «Сервант и фрау», но напечатать они его не могут: он не в их стилистике. А отец был все равно счастлив: оценили!

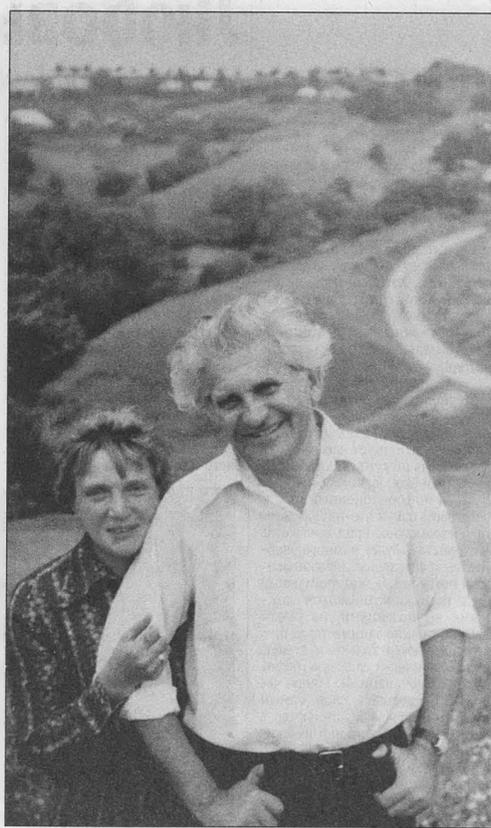
БОРИС ФИРСОВ: В ряде случаев он был провинцем. Героиня «...Счастливого деревни» связывает свою жизнь с немецким солдатом, военнопленным. Мы то знаем, что сейчас немцы ставят своим солдатам памятники на нашей земле, но тогда... Мы никогда не нарушал свободу друг-друга! Думаю, известное влияние и я на него тоже оказал, объясняя ему причины и поводы для разумной сдержанности. Но то, что

вы увидите: в давней полемике с запрещенными публицистами той поры — Амальриком, Шафаревичем, даже с самим Солженицыным, которыми мы зачитывались по ночам, глядясь в полусонные тексты на папиросной бумаге, сегодня правым оказывается Борис Вахтин!

Это написано в 1978-м году и, разумеется, в нашей стране опубликовано быть не могло.

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Как ему хотелось увидеть свою книжку! В последние годы увлекался рисованием обложек для собственных книг — карандашные рисунки эти сохранились. Как он счастлив был, когда однажды ему позвонили из одного толстого журнала, сказали, как им понравился рассказ «Сервант и фрау», но напечатать они его не могут: он не в их стилистике. А отец был все равно счастлив: оценили!

БОРИС ФИРСОВ: В ряде случаев он был провинцем. Героиня «...Счастливого деревни» связывает свою жизнь с немецким солдатом, военнопленным. Мы то знаем, что сейчас немцы ставят своим солдатам памятники на нашей земле, но тогда... Мы никогда не нарушал свободу друг-друга! Думаю, известное влияние и я на него тоже оказал, объясняя ему причины и поводы для разумной сдержанности. Но то, что

С женой Ириной

и вел ту знаменитую передачу, которая называлась «Литературный вторник» и которая многим, не только мне, стоила работы. Он нарушил устав того монастыря, в котором я был настоятелем. Он пришел с целой компанией — Дмитрий Дихачев, Всеволод Иванов, Владимир Солоухин... Обещали говорить на какие-то пасторальные темы, а потом разгово-

я находился под его влиянием, — бесспорно. Я не был одинок: все его окружение испытывало его влияние.

Не поленились, возьмите в руки восьмую книжку журнала «Звезда» за 1998 год и прочтите первую часть философско-публицистической работы Бориса Вахтина «Этот спорный русский опыт». И

При жизни Вахтина вышла в свет книга его переводов юэфу из древней китайской поэзии. Юэфу — это жанр. Существует романс на слова юэфу. Один из них в переводе Бориса Вахтина звучит так:

...А следом по ветру проносится ивовый свет.

Мне грустно, что я пропускаю весенние воды.

И нет никого, чей бы зов до меня долетел.

ГАЛИНА НЕЧАЕВА

Общая газета

Главный редактор номера: Егор ЯКОВЛЕВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054

Общая газета. Передача допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна. Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: nov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛКОВЕЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра «Общая газета»
Технический директор Валерий МАКАРОВ

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 206620 экз. (региональный — 144000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском метрополитене
Группа компаний «ПЛАБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербургском метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125665, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 1.11.2000 г.
Заказ 2745.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71; e-mail: sekretar@og.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru (а также в базах данных www.park.ru; www.nis.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). Адрес «Гостиница «ОГ»»: 121151, Москва, Кулузовский пр., д. 22

Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЦЕВА, Юрий СОЛОМОНОВ, Мария СЕДЫХ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРШЕВСКИЙ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректор).
Руководители направлений: Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Ирина ДЕМЕНТЬЕВА (мнения), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАЙДЕНОВ (право), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ-Петербург»), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮНАНОВ (международная жизнь).
Обозреватели: Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Василий ГОЛОВАНОВ, Елена ДИКУН, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛЮПАНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Елена ПАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКО.